

Роль Ведомства по экономической демобилизации в германской революции 1918–1919 гг.

Аннотация. Автор рассматривает процесс экономической демобилизации, который приобрел огромное значение для Германии в 1918–1919 гг., так как проходил в условиях острого революционного кризиса. Ведомство по экономической демобилизации / Демобилизационное управление, возглавляемое прагматиком и консерватором Й. Кёттом, взяло на себя основную часть глубоких социально-политических реформ, задуманных и как уступка революционно настроенным массам, и как часть целостного процесса послевоенной реконструкции. Основной упор в своей деятельности оно сделало на преобразованиях в сферах страхования, найма рабочей силы и регулирования тарифных соглашений. В результате в Германии было положено начало системной социальной политике как средству достижения общественно-политического консенсуса и утверждения государства в роли активного арбитра и регулятора как экономических, так и социальных процессов. Радикализацию революционных процессов удалось предотвратить человеку, далекому как от стремлений изменить мир, так и от теоретического конструирования социальных отношений, но убежденному в необходимости твердой власти и порядка в разрешении социально-экономического кризиса. Результаты этой деятельности позволили Германии и устоять в чрезвычайно трудной ситуации всеобщего недовольства, и положить начало стабилизации экономики и общественных отношений на новой – республиканской – основе.

Ключевые слова: Веймарская республика, революция, социальные реформы, Демобилизационное управление, безработица, «рабочее сотрудничество», демобилизация, социальная политика, государственное регулирование, Й. Кётт.

Review. The demobilisation of the army, as well as of the economy, acquired great importance for Germany in 1918–1919 largely because this difficult process took place under the conditions of an acute revolutionary crisis. The Department of economic demobilisation / Demobilisation administration, headed by the pragmatic and conservative J. Koeth, was already created during the period of the revolution by yesterday's opponents, unions, and entrepreneurs, and took upon itself to carry out the major part of the extensive socio-political reforms. These reforms were developed both as a concession to the revolutionary-minded masses and as part of a general reconstruction process after the war. The main focus of its activities was directed at reforms in the spheres of insurance, hiring workforce, and regulating wage agreements. Germany as a result was equipped with the foundation for a systematic social policy as a means of achieving socio-political consensus and the government's role as an active mediator and regulator of economic and social processes was validated. The radicalisation of the revolutionary processes was averted by the person who was far from the ambition of changing the world and from a theoretical construction of social relations, but a person committed to the necessity of establishing a firm government and stable order to resolve the socio-economic crisis. In this aim he was not spared from opposition by left-wing and right-wing forces, but the results of his efforts allowed Germany to endure the difficult situation of general discontent and to lay the groundwork for the stabilisation of the economy and of social relations on a new – republican – basis.

Key words: demobilisation, “work cooperation”, unemployment, Demobilisation administration, social reforms, revolution, Weimar republic, social policy, government regulation, J. Koeth.

Демобилизация германской армии в условиях национального шока от поражения в Первой мировой войне и революционных процессов, охвативших с ноября 1918 г. бывший Второй рейх, а ныне – возникшую из взрыва недовольства и

отчаяния республику, не могла не привлечь к себе внимания современников и потомков. Безапелляционные утверждения о важности и едва ли не решающем значении процесса военно-экономической демобилизации в сложных условиях неясного государственно-политического

будущего Германии конца 1918 – начала 1919 г. сразу стали своего рода клише, кочевавшим по речам политиков любых направлений и работам исследователей. Еще В. Ратенау отводил именно демобилизации роль «носительницы судьбы всей Германии и государства» [6, 196], одним из первых обратив внимание на логическую взаимосвязь вопросов социальной стабильности, облика первой германской республики, процессов экономического переустройства и судьбы миллионов возвращавшихся с фронта солдат. В самом понятии демобилизации можно выделить как минимум две ее главные стороны: военную и экономическую. Трудно определить однозначно, какая из них имела большее значение для тогдашней Германии: насущная необходимость нейтрализации демобилизованных солдат в ходе революции, их интеграции в нестабильное общество или столь же срочная перспектива перевода отобилизованной государством экономики с военного производства на мирные рельсы, к тому же под гнетом грозящих коллапсом репарационных платежей.

Соответственно при анализе демобилизационных процессов в Германии 1918–1919 гг. перед исследователем открывается широкое поле концептуальных проблем: от роли социально-экономических преобразований в кризисные моменты, соотношения реформы и революции в поисках выхода из социального тупика до путей демонтажа и трансформации системы государственного регулирования экономики военного времени, полюсами которых были как возвращение к принципам «хозяина в своем доме» и «государства – ночного сторожа», так и «социализация». Несмотря на обеспеченность источниками – сохранились, хотя и не опубликованы, протоколы и стенограммы заседаний Демобилизационного управления (ДУ), – деятельность непосредственно этого ведомства и его главы Й. Кёта долгое время не становилась центром самостоятельного исследования. Лишь в 1991 г. во Франкфурте-на-Майне вышла диссертация Фридриха-Карла Вакса с «говорящим» названием: «Das Verordnungswerk des Reichsdemobilisierungsamtes: stabilisierender Faktor zu Beginn der Weimarer Republik» («Законотворческая деятельность Ведомства по экономической демобилизации как стабилизирующий фактор в начале периода Веймарской республики», перевод мой. – Т. Т.) [16]. Этой подробной и добросовестной работе, так же как и другим исследованиям, где хотя бы в числе

прочих затрагивался и этот вопрос, можно поставить в упрек абсолютизацию деятельности управления по уменьшению революционного потенциала, в то время как усилия ДУ по поиску новых методов развития экономики, приспособлению военного «принудительного хозяйства» к условиям мирного времени нашли в них меньшее отражение.

Заслуживает внимания сама история создания Ведомства по экономической демобилизации / Демобилизационного управления (с 21 февраля 1919 г. – Министерство экономической демобилизации). Какая еще государственная структура была создана – и еще в канун революции – в результате переговоров лидеров германских профсоюзов и предпринимателей, фактически на паритетных началах, из представителей разных направлений профсоюзного движения, с одной стороны, и германских промышленников – с другой [18, 123]? Хотя до подлинного паритета дело все-таки не дошло. В самый разгар революции лидеры профсоюзов удовлетворились обещанием о «соучастии» рабочих представителей в новом ведомстве.

Длившиеся уже некоторое время (с начала октября), но в целом безрезультатные переговоры о сотрудничестве после восстания матросов в Киле 3 ноября 1918 г. получили и мощный стимул, и новое качество. Между войной и миром, империей и республикой 5 ноября, в разгар революционного мятежа, обеими сторонами в невиданном ранее согласии был разработан подробный проект указа, а 7 ноября, за несколько дней до подписания Компьенского перемирия, были решены последние мелочи, и в целом главным итогом было возникновение «рабочего сотрудничества» (Arbeitsgemeinschaft) профсоюзов и предпринимателей, наемных работников и хозяев [10, 1298]. Вакс удивляется единодушию на непростых переговорах, поскольку глава нового ведомства получал чрезвычайно широкие полномочия, но никто не был против [16, 16–17]. Прежде всего необходимо было дистанцироваться от наследия и методов Ведомства экономики. Жесткие условия военно-дирижистского экономического режима под диктатом госкомиссий и военных органов давно перестали устраивать слишком многих предпринимателей и промышленников Германии, лидеры профсоюзов тем более рассчитывали на удовлетворение в новых условиях основных экономических требований рабочих

и упорядоченное возвращение с фронта солдат с их последующим включением в производство в целях смягчения безработицы. Острота момента подталкивала к сотрудничеству и компромиссу как последнему средству спасения от советов и радикальных экспериментов: «Как можно спасти экономику? Как можно спасти предпринимательство от угрожающей распространиться на все сферы хозяйственной жизни социализации, от огосударствления и близящейся революции?» [9, 6]. Учитывая происхождение нового ведомства от двух столь разных «творцов», оно сразу должно было начать свою деятельность как минимум в двух ипостасях одновременно – как орган и экономического переустройства, и социального регулирования. Кроме этого, необходимо было организовано и во взаимодействии с генералитетом провести непростой процесс собственно демобилизации армии, разоружения бывших солдат.

С самого начала ведомство было наделено столь широкими полномочиями, что возникает искушение рассматривать его как своего рода «власть над властью», а его главу подполковника Й. Кёта – как «диктатора». Ф. Шейдеман упоминает, что новый госсекретарь рассматривался всеми именно в этом качестве, как «еще один Людендорф для демобилизации, человек, который может просто декретировать» [8, 568]. В ходе проведения демобилизации ведомство могло «располагать помощью всех общегосударственных, местных, а также военных органов» [8, 568]. Кроме центрального ведомства предполагалось создать демобилизационные комитеты по всей Германии, председателями которых должны были стать чиновники при условии их «беспартийности». Беспартийным был и сам Й. Кёт, хотя он был твердо убежден во временности и недолговечности революционного хаоса и правительства Совета народных уполномоченных [5, 167].

Йозеф Кёт (1870–1936) родился в семье адвоката в небольшом городке Лор на реке Майн. С самого детства его привлекала возможность не гражданской, а именно военной карьеры. Тем сильнее, по-видимому, оказалось разочарование, когда его, одного из лучших выпускников Военной академии в Мюнхене (1898), не приняли на службу в Генштаб баварского рейхсвера. Ущемленное честолюбие продиктовало ему резкую перемену в месте службы – с 1900 г. Кёт находится уже в Пруссии, он командир различных артиллерийских частей. Но уже в 1909 г. его

мечта о штабной карьере начинает исполняться: мы видим его в штате прусского Военного министерства, где в 1912 г. он получает звание майора. С началом Первой мировой войны Й. Кёт не мог не отправиться на фронт, он принял участие в битве на Марне и других сражениях, однако уже в начале октября 1914 г. он возвращается в Военное министерство, и этим исчерпывается его непосредственное участие в боевых действиях. В 1915 г. Кёт сменяет В. Ратенау на посту главы отдела по снабжению сырьем военного назначения – логично предположить, что они были знакомы. Кёт практически в неизменном виде отстаивает идеи своего предшественника В. фон Меллендорфа о координации активной роли государства с принципом саморегулирования в военной промышленности. На этом посту Кёт успел проявить свои лучшие качества, прежде всего в сфере коммуникации с различными людьми, и организаторские способности. Он заслужил имидж компетентного, спокойного, беспристрастного и толерантного, но в то же время решительного руководителя, поэтому его кандидатура практически сразу устроила и лидеров профсоюзов, и промышленников, альтернативы даже не рассматривались. Со стороны мировоззренческой позиции Кёт был также достаточно известен в бюрократической среде как человек с устойчивыми, консервативными, но в то же время прагматическими принципами, к тому же не участвовавший до сих пор в политической деятельности. В непростой ситуации революционного взрыва он действительно оказался едва ли не самой оптимальной креатурой для своего управления, упорно проводя линию социальных реформ, в своих главных чертах отвечавшую требованиям и насущным потребностям восставших масс, но отстаивая их чрезвычайный статус временных мер периода демобилизации, что оставляло их противникам надежды на скорую отмену. Тем не менее сам факт, что пакет наиболее последовательных социальных преобразований в период революции стал результатом активности человека, бесконечно от революции далекого, весьма интересен и примечателен.

Назначение Й. Кёта на пост главы Ведомства по экономической демобилизации потребовало от него немедленного увольнения с военной службы (в чине полковника) с целью обеспечить «беспристрастность» его в роли гражданского чиновника. Ядром его политики в новой роли в первые революционные месяцы

по необходимости стало «целенаправленное лавирование» [5, 167] между теми, кто создал его ведомство, – между профсоюзами и предпринимателями (в конечном счете в интересах последних) в целях установления социального мира. И хотя Кёт проявлял немалую самостоятельность и инициативу в проведении широкомасштабных реформ (введение 8-часового рабочего дня, вопросы найма и увольнения с предприятий и т. п.), использовал достаточно жесткие средства, вплоть до принуждения к исполнению своих распоряжений, общее мнение о его кандидатуре поначалу было позитивным, хотя и неоднозначным. Управляющий делами «Союза сталепромышленников» Я. Райхерт писал: «Руководство демобилизацией в наилучших руках. Больших беспорядков опасаться не следует» [4, 631].

Была у него и своя концепция, в соответствии с которой Кёт рассчитывал провести экономическую демобилизацию в два этапа. На первом, собственно демобилизационном, шоковом в условиях революции, главной задачей было недопущение массовой безработицы в среде бывших солдат, что предполагало повышенную активность в социальной сфере. Чиновникам своего ведомства Кёт то и дело напоминал: «Мы находимся в условиях революции, это определяет все наши действия» [5, 164]. Кроме мер по трудоустройству демобилизованных к сфере деятельности Ведомства его глава относил и титаническую задачу по обеспечению населения Германии продуктами питания. Однако собственно экономические задачи предполагалось решать на втором этапе, который подразумевал решительную перестройку экономики параллельно с сохранением конкурентоспособности германской промышленности и определением новых путей ее развития. И здесь Кёт видел свои цели исключительно в глобальном масштабе, он считал себя ответственным за «сохранение нормальной экономической жизни <...> сохранение существующей системы хозяйства», более того, за защиту Германии от «социалистических экспериментов» [5, 165]. Его планы нашли полное понимание прежде всего в правительстве социал-демократов, которое, во всяком случае, левые эксперименты проводить не собиралось: Совет народных уполномоченных (СНУ) 12 ноября 1918 г. своим указом (самым первым, одновременно с изданием своей программы) предоставил Ведомству по экономической демобилизации в сфере его ответственности откровенно диктаторские полномочия, обязав все (!) граж-

данские и военные органы «неукоснительно и в кратчайшие сроки выполнять распоряжения господина Кёта <...> способствовать во всех направлениях осуществлению задачи, крайне важной для благосостояния нашего народа», за саботаж устанавливался огромный штраф в 100 тыс. марок или 5 лет тюрьмы [10, 1304, 1309, 1339]. В период перехода от войны к миру трудно было найти круг проблем, не касавшихся экономической демобилизации. Диктатором себя считал и сам Кёт [5, 167], хотя, по мнению Вакса, он, человек действия, пользовался своими полномочиями все же весьма осмотрительно [16, 231].

Практически с нуля в кратчайшие сроки в обстановке революционных потрясений была создана дееспособная и очень своеобразная структура, «которая в соответствии с велениями времени должна была сочетать в себе законотворческие и исполнительные функции» [16, 74]. При этом она была одновременно и встроена в старые бюрократические механизмы, т. е. обладала необходимой легитимацией, и в то же время была непосредственным продуктом сотрудничества перед лицом революционных потрясений и результатом Компьенского перемирия, могла адекватно действовать в условиях революции. Наряду со сравнительно немногочисленным для традиций прусско-германской бюрократии штабом референтов ДУ располагало целой сетью вновь образованных «специализированных комитетов» (Fachausschüsse). Это были созданные на паритетных началах из представителей профсоюзов и предпринимателей, действующих в какой-то отрасли промышленности под эгидой Центрального трудового сотрудничества (Zentralarbeitsgemeinschaft), группы (всего их было 18), которые совместно предлагали способы решения социальных проблем. И то, что они предлагали, ДУ обычно утверждало в качестве своих распоряжений. Но, несмотря на отчетливое превалирование в деятельности ДУ вопросов социального антикризисного регулирования, уже в самом начале его существования можно отметить и первые дирижистские усилия по перестройке экономики: это указы о введении новых, сниженных цен на продукцию военного назначения и об уменьшении военного производства от 21 ноября 1918 г. [10, 1323]. Кёт предпринимал и усилия по поддержке малых форм предпринимательства, например, инициировал создание «Кассы помощи промысловым предприятиям». В целом перечень тем, которыми руководство ДУ занималось на своих заседа-

ниях, проводившихся не реже двух раз в неделю, очень велик: это и вопросы снабжения углем, продуктами, сырьем, и транспортные проблемы, и финансовое положение органов военной и экономической демобилизации, и, конечно, вопросы рабочей и социальной политики. По итогам заседаний издавался информационный листок «Бюллетень экономической демобилизации» (*Wirtschaftliches Demobilisationsblatt*) [17], он выходил даже после роспуска Министерства экономической демобилизации, до 30 июня 1919 г.

Вся – без преувеличения – социально-политическая активность правительства и госорганов в период революции проходила с ведома и при участии Ведомства по экономической демобилизации, а зачастую наиболее острые вопросы решались именно его указами и распоряжениями [16, 60] и в императивном порядке, что вызывало немалое недовольство, прежде всего со стороны предпринимателей. В остальных случаях подпись Кёта стояла в обязательном порядке под наиболее важными распоряжениями и указами СНУ после подписей двух его председателей – Ф. Эберта и Г. Гаазе. Он завизировал и основополагающее Соглашение о трудовом сотрудничестве между профсоюзами и предпринимателями от 15 ноября 1918 г. И это при том, что еще в октябре 1918 г. было создано специальное Ведомство труда во главе с Густавом Бауэром.

Времени на разработку концепций, планов и постепенных изменений просто не было. Так, важнейшее традиционное требование рабочих – 8-часовой рабочий день – было введено в реальности лишь указами этого ведомства от 23 ноября 1918 г. (для рабочих) и 18 марта 1919 г. (для служащих) [10, 1334; 11, 315]. Этот факт принципиально важен: 8-часовой рабочий день рассматривался в них лишь как вынужденная мера периода демобилизации (сроком на один год) на предприятиях, где была нехватка сырья или была необходимость обеспечить занятость всех рабочих, в т. ч. вновь принятых на работу бывших солдат. Более того, 17 декабря 1918 г. было принято постановление [10, 1436], разрешившее именно демобилизационным комиссарам на местах (полномочным представителям ведомства в провинции) вводить сверхурочные рабочие часы. В течение двух дней они должны были представить свою инициативу на утверждение в ДУ. Однако и в таком урезанном виде 8-часовой рабочий день вызвал резкое недо-

вольство предпринимателей, согласных лишь на 20-процентную оплату «нерабочих часов» и то «до конца декабря», о чем очень резко говорил, в частности, Е. Борзиг на заседании СНУ 6 декабря 1918 г. [7, 263]. На этом заседании присутствовал и Й. Кёт, и с его подачи была введена хотя бы 50-процентная оплата, причем разницу в 30% взяло на себя государство, собираясь выплачивать ее из средств для пособий безработным.

Недовольство хозяев предприятий возросло еще больше, когда ДУ вплотную начало заниматься трудоустройством бывших солдат, опять-таки в директивном тоне. 4 января 1919 г. Кёт издает распоряжение «О приеме и увольнении промышленных рабочих во время экономической демобилизации», 24 января – аналогичное распоряжение для служащих [11, 8, 100]. О значимости этих распоряжений косвенно свидетельствуют 6 (изданных тоже в виде отдельных указов) пояснений к ним, например, опубликованное 28 марта 1919 г. «Распоряжение об освобождении рабочих мест в период экономической демобилизации» [11, 355, 1936]. Их суть состояла в том, что владельцы предприятий с количеством работников свыше 20 человек жестко обязывали восстановить на старых местах всех участников войны – этот факт демонстрирует прямое вмешательство государства в сферу найма рабочей силы, считавшуюся даже в военное время исключительным делом предпринимателя. При этом запрещалось сокращать общее количество работников – послабления могли быть сделаны только тогда, когда «ведение дел с прежним количеством работающих не представлялось возможным» [11, 8], т. е. в случае угрозы разорения, да и то предупреждать увольняемого необходимо было за две недели. Все вопросы, связанные с увольнением, выносились на рассмотрение фабзавкомов и рабочих комиссий, споры решались в арбитражных комитетах, последнее слово в которых было за демобилизационным комиссаром, государственным чиновником, представлявшим свое ведомство по территориально-производственному принципу. Кстати, именно эти «комиссары» распоряжениями от 4 и 24 января получили и право распространять особо важные тарифные соглашения на ту или иную отрасль промышленности как обязательные.

24 января 1919 г. ДУ вводит в действие и «Временное регулирование сельскохозяйственных работ», по которому упорядочивается труд

даже считавшихся ранее самыми бесправными и безгласными сельских и сезонных рабочих: вводится трудовой договор, ограничивается рабочее время, устанавливается твердая зарплата. Вакс считает это распоряжение «единственным серьезно переустроившим трудовые отношения на селе указом послевоенного времени» [16, 163].

Совет народных уполномоченных издал 23 ноября 1918 г. разработанное ДУ важнейшее распоряжение о тарифных соглашениях, комитетах рабочих и служащих и разрешении трудовых споров [10, 1456]. Тарифный договор отныне был признан основным документом для регулирования трудовых отношений на предприятии. Все случаи споров подлежали разрешению в паритетных комитетах «трудового сотрудничества». Зримым шагом ДУ в стремлении регулировать вопросы социальной сферы было распоряжение от 9 января 1919 г. [11, 28], обязывавшее руководителей всех государственных, общественных и частных предприятий, бюро и учреждений принять по меньшей мере одного инвалида войны на каждую сотню работающих (в сельском хозяйстве – на 50). О свободных местах для инвалидов предприниматели должны были сообщать на биржи труда. А 17 февраля 1919 г. [11, 201] ДУ ввело и принудительное оповещение о наличии свободных рабочих мест в целом, причем уклонение от этого каралось штрафом в размере 3–10 тыс. марок, – и это в период, когда большинство предпринимателей стремились всячески сократить количество работающих или воспользоваться услугами не бирж, но частных контор по найму, гарантировавших, в частности, политическую благонадежность своих клиентов.

Но наибольшее недовольство вызывало еще одно из первых распоряжений ДУ от 13 ноября 1918 г. о помощи безработным, согласованное с Ведомством труда [10, 1305]. Выплата пособий по безработице тоже предусматривалась ведомством как временная мера переходного периода сроком на один год, но в результате указ действовал 9 лет, претерпел 18 изменений и 4 раза издавался заново [10, 1401, 1445; 11, 82, 303, 399]. Специально оговаривалось, что пособие – это не помощь беднякам, которая существовала в том или ином виде и в кайзеровской Германии. В распоряжении указывалось, что безработный должен был соглашаться на предложение работы в другом городе, расходы на переезд брало на себя государство, но главная

трудность состояла в том, чтобы убедить потерявших работу жителей крупных городов переехать в сельскую местность или в небольшой город [17, 757, 849]. Перемена места жительства не гарантировала работу по специальности и зачастую выполняла примитивную, но важную в условиях революции функцию – разобщение недовольных, удаление их из крупных городов. Очень низок был и размер пособия: 3–4 марки на человека в день, что не покрывало галолирующих расходов на питание.

Тем не менее меры помощи безработным сразу же стали центральной темой обсуждения в обществе наряду с 8-часовым рабочим днем. Кёт обвиняли, что он поощряет «лень», в тяжелой ситуации необходимо, скорее, введение закона об «обязанности трудиться»; причем такая критика раздавалась и справа, и слева. «Помощь безработным – это помощь стачечникам», – писала консервативная «Дойче Тагесцайтунг», призывая бросить все средства на восстановление промышленности [3]. Ей вторила либеральная еженедельная газета «Социале Праксис»: «В результате издания распоряжения о помощи безработным создалась ситуация, грозящая медленным крахом и финансовой катастрофой» [13]. К требованию о законодательном введении принудительной трудовой повинности присоединился даже орган социал-демократов «Форвертс» [15]. Профсоюзы не нашли ничего лучшего, как обвинить Кёта в недостаточной решительности, предприниматели осуждали его за политику широкого социального лавирования и компромиссов.

В связи с нараставшей напряженностью Кёт был вынужден провести 13 декабря 1918 г. совместное заседание своего ведомства с крупными индустриальными магнатами по вопросам социального реформирования и дать некоторые разъяснения своей деятельности [14, Вл. 33]. Стенограмма этого заседания показывает, что проходило оно чрезвычайно остро. Кёт, оправдываясь, говорил о необходимости признания некоторых требований рабочих, несколько раз указал на опасность ситуации в стране и пагубность «слишком решительных действий», откровенно определив свою основную задачу как предотвращение «наиболее страшных последствий революции»: «Любой другой путь приведет к обострению положения» [14, Вл. 33]. Подчеркивал он и «беспартийный, посреднический характер» ДУ. Заседание закончилось внешним примирением сторон, но никого не убедило.

Тогда Кёт фактически обратился ко всему обществу, дав интервью газете «Берлинер Тагеблатт» [1]. Начало его поражает своей откровенностью и категоричностью: «Демобилизационное управление – это орган по преодолению ущерба, нанесенного революцией. Это его главная черта. Его главные цели: включить вернувшихся с фронта рабочих в старую систему хозяйства; не допустить, чтобы нашу экономику, стоящую на краю гибели, разрушили полностью». Реабилитируя себя в глазах предпринимателей, Кёт заявил далее, что он «ценит работодателей чрезвычайно высоко, но у них сдали нервы, и они не могут оценить ситуацию». Для достижения социального мира Кёт допускал даже ограниченное участие рабочих в управлении производством. Большинство его оппонентов видели в этом недопустимое ограничение самостоятельности и свободы предпринимательства и не были готовы пойти на уступки. На Кёта посыпались нелицеприятные обвинения в переходе на позиции социал-демократии и профсоюзов [3], и хотя это было далеко от истины, но в чем-то он был даже последовательнее, чем левые силы, твердо отстаивая тактику социального компромисса.

Практически все законодворческие акты ДУ нельзя расценить иначе как «глубокое вторжение в экономику и социальную политику» [12, 233]. Парадокс состоит в том, что практически единоголосная позитивная оценка деятельности Кёта в историографии и публицистике, сформировавшаяся спустя какое-то время, резко контрастирует с мнением современников. Замедление демонтажа форм государственного регулирования, переход в период революции к косвенным, но существенным методам воздействия на экономику через социальную сферу не могли не затрагивать интересы большинства представителей финансово-промышленной элиты Германии, в долговременной перспективе спасая статус-кво и их положение в целом. Поначалу позитивное отношение к новому ведомству и к его главе уже с середины января 1919 г. уходит в прошлое, сопротивление политике ДУ в рядах предпринимателей принимает необратимый характер, негативно воспринимается сам факт продолжавшейся активности ДУ и его руководителя. Конечно, основную роль в этом сыграли решение вопроса о власти в пользу Национального собрания, подавление берлинских протестов рабочих, общее снижение революционной активности.

Деятельность ДУ между тем на самом деле перестает быть столь сильным раздражителем, и в этом также чувствуется влияние постепенной стабилизации обстановки. Долгосрочные структурные реформы в социальной или производственной среде в планы Кёта не входили. Он шел на уступки бизнесу, несколько ограничил помощь безработным, однако это не могло изменить общее мнение о методах работы его ведомства. 26 апреля 1919 г. ДУ (с февраля 1919 г. – министерство) было распущено «в связи с тем, что военно-экономическая демобилизация продвинулась так далеко вперед, что ее окончание необходимо превратить уже в новое строительство и реорганизацию экономики» [11, 438]. Но демобилизационные комиссары на местах оставались до 1924 г., до официального окончания фазы демобилизации [16, 215–230, 232]. На деле все же слишком ранний роспуск ДУ привел к тому, что многие его инициативы и начатые преобразования не получили продолжения и развития, особенно это касалось экономической сферы [16, 232], хотя в целом продолжение демобилизационных процессов, утратив налет «чрезвычайщины», приобретало и более упорядоченный характер. Разочарованный в политике, Й. Кёт удалился в частную жизнь, участвуя в деятельности различных общественных организаций экономического профиля. В критический период октября–ноября 1923 г. он, по-прежнему беспартийный, получает во втором правительстве Г. Штреземана пост министра экономики, но сведений о его индивидуальной роли в нем не сохранилось. Кёт умер в 1936 г., в полном затворничестве и забвении, не оставив мемуаров или других свидетельств о том, как он расценивал ситуацию в Германии до и после прихода А. Гитлера к власти в 1933 г.

Деятельность Ведомства по экономической демобилизации сыграла значительную роль не только в ослаблении революционных тенденций и начале перестройки производства в Германии 1918–1919 гг. Она во многом определила пути развития социальной политики в Веймарской республике, приоритеты антикризисного регулирования, защитила государство как активного участника внутриэкономических процессов, показала, что даже в период революции возможна линия последовательных социальных реформ, осуществляемых силами, далекими от радикальных взглядов, и этот опыт сохраняет свою актуальность вплоть до сегодняшнего дня.

Библиография:

1. Berliner Tageblatt. 21.12.1918.
2. Deutsche Tageszeitung. 04.01.1919.
3. Deutsche Tageszeitung. 20.12.1918.
4. Feldman G. D. Wirtschafts- und sozialpolitische Probleme der deutschen Demobilisierung 1918/19 // Mommsen H. u.a., Hg. Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. Kronberg/Ts., Athenäum u. Düsseldorf: Droste Verlag, 1977. S. 627–641.
5. Koeth J. Die wirtschaftliche Demobilisierung, ihre Aufgaben und ihre Organe // Handbuch der Politik. Hrsg. G. Anschütz. Bd. 4. Berlin: Dr. Walther Rothschild Verlag, 1921. S. 163–169.
6. Rathenau W. Politische Briefe. Dresden: Carl Reissner Verlag, 1929. 348 S.
7. Die Regierung der Volksbeauftragten. Bearb. von S. Miller unter Mitw. von H. Potthoff. Eingel. von E. Matthias. Düsseldorf: Droste Verlag, 1969. 2 Bde. Bd. 1. 748 S.
8. Die Regierung des Prinzen Max von Baden, bearbeitet von Mattias E. / Morsay R. Düsseldorf: Droste Verlag, 1959. 698 S.
9. Reichert Jakob. Entstehung, Bedeutung und Ziel der Arbeitsgemeinschaft. Berlin: Büxenstein Verlag, 1919. 29 S.
10. Reichsgesetzblatt (RGLB). 1918.
11. Reichsgesetzblatt. 1919.
12. Richter W. Gewerkschaften, Monopolkapital und Staat im ersten Weltkrieg und in der Novemberrevolution. 1914–1919. Berlin: Tribüne Verlag, 1959. 398 S.
13. Soziale Praxis. 16.01.1919.
14. Umstellung auf die Friedenswirtschaft // Das Bundesarchiv Berlin. Reichswirtschaftsministerium. R3101/1826. Bd. 3. Bl. 33ff.
15. Vorwärts. 23.12.1918.
16. Wachs Friedrich Carl. Das Verordnungswerk des Reichsdemobilisierungsamtes: stabilisierender Faktor zu Beginn der Weimarer Republik. Frankfurt/Main: Peter Lang International Academic Publishers, 1991. 232 S.
17. Wirtschaftliches Demobilisierungsblatt. 1919.
18. Zunkel F. Industrie und Staatssozialismus. Düsseldorf: Droste Verlag, 1974. 227 S.

References (transliterated):

1. Berliner Tageblatt. 21.12.1918.
2. Deutsche Tageszeitung. 04.01.1919.
3. Deutsche Tageszeitung. 20.12.1918.
4. Feldman G. D. Wirtschafts- und sozialpolitische Probleme der deutschen Demobilisierung 1918/19 // Mommsen H. u.a., Hg. Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. Kronberg/Ts., Athenäum u. Düsseldorf: Droste Verlag, 1977. S. 627–641.
5. Koeth J. Die wirtschaftliche Demobilisierung, ihre Aufgaben und ihre Organe // Handbuch der Politik. Hrsg. G. Anschütz. Bd. 4. Berlin: Dr. Walther Rothschild Verlag, 1921. S. 163–169.
6. Rathenau W. Politische Briefe. Dresden: Carl Reissner Verlag, 1929. 348 S.
7. Die Regierung der Volksbeauftragten. Bearb. von S. Miller unter Mitw. von H. Potthoff. Eingel. von E. Matthias. Düsseldorf: Droste Verlag, 1969. 2 Bde. Bd. 1. 748 S.
8. Die Regierung des Prinzen Max von Baden, bearbeitet von Mattias E. / Morsay R. Düsseldorf: Droste Verlag, 1959. 698 S.
9. Reichert Jakob. Entstehung, Bedeutung und Ziel der Arbeitsgemeinschaft. Berlin: Büxenstein Verlag, 1919. 29 S.
10. Reichsgesetzblatt (RGLB). 1918.
11. Reichsgesetzblatt. 1919.
12. Richter W. Gewerkschaften, Monopolkapital und Staat im ersten Weltkrieg und in der Novemberrevolution. 1914–1919. Berlin: Tribüne Verlag, 1959. 398 S.
13. Soziale Praxis. 16.01.1919.
14. Umstellung auf die Friedenswirtschaft // Das Bundesarchiv Berlin. Reichswirtschaftsministerium. R3101/1826. Bd. 3. Bl. 33ff.
15. Vorwärts. 23.12.1918.
16. Wachs Friedrich Carl. Das Verordnungswerk des Reichsdemobilisierungsamtes: stabilisierender Faktor zu Beginn der Weimarer Republik. Frankfurt/Main: Peter Lang International Academic Publishers, 1991. 232 S.
17. Wirtschaftliches Demobilisierungsblatt. 1919.
18. Zunkel F. Industrie und Staatssozialismus. Düsseldorf: Droste Verlag, 1974. 227 S.